

ИДЕЯ ПРАВОВОГО СИНТЕЗА В КОНТЕКСТЕ СМЕНЫ ТИПОВ НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Активно развивающаяся в России в конце XIX – начале XX в. правовая теория испытала воздействие основных тенденций правовой мысли тех лет. Более того, очевидно, что, несмотря на существенное влияние, под которым находилась российская философия и теория права, русские правоведы оказались в авангарде юридических исследований, посвященных определению онтологических, аксиологических, социальных, культурных и иных основ права, выяснению его сущности, выяснению соотношения с другими видами нормативного регулирования общественных отношений.

В целом необходимо согласиться с точкой зрения, согласно которой идея правового синтеза, обусловленная необходимостью систематизации предметной определенности юриспруденции, интеграции сфер правового знания на основе решения фундаментальных для теории права задач, оказалась доминирующей в те годы, объясняя многие коллизии формирования правовых концепций, их содержание, ориентацию на соответствующий тип научной рациональности и правопонимания¹. Остановимся подробнее на этой проблеме, актуальной и сегодня, объясняя тенденции развития как современного правового знания, так и формирование правовой науки в России указанного периода как нового типа рациональности.

Очевидно, что процесс формирования правовой теории, начавшийся в средние века и связанный с выделением юридической проблематики в качестве основной для новой отрасли знания, продолжается и в настоящее время. Речь идет о той ситуации, которая сложилась в современном правоведении в связи с решением проблемы интеграции правового знания в единую систему с однородной методологией и задачами исследования правовой действительности. Проект такого синтеза, столь убедительный по своей актуальности и, по некоторым оценкам, завершившийся неудачей, не есть проект лишь современной юриспруденцииⁱⁱ. Он столь же стар, сколь стара и сама юриспруденция, поскольку ее оформление как научной дисциплины и дальнейшее развитие всегда были связаны с такой интеграцией и синтезом.

Актуальность решения этой задачи, по нашему мнению, обусловлена двумя важными обстоятельствами:

– развитием социально-гуманитарного знания, сопряженным с увеличением количества дисциплин, предмет которых в той или иной степени совпадает с изучением правовых явлений, что делает возможным и необходимым целостный взгляд на эти явления, позволяющий получить более глубокое знание о них;

– признанием в качестве фундаментального для юриспруденции принципа социальности правовых явлений, их социальной обусловленности, с одной стороны, и влияния на общественные отношения — с другой, когда социальная среда рассматривается в качестве содержательного компонента права, его функционирования как нормативной системы.

Следует отметить, что решение этой задачи связано не с выработкой более общего знания по отношению к частным юридическим наукам, а с открытием более фундаментальных компонентов права, позволяющих рассмотреть правовую действительность под углом зрения более общей методологии, выяснить внутренние закономерности формирования и функционирования права, что свидетельствует о необходимости перехода не столько к новому типу, сколько к новой форме рациональности. Так, очевидно, что такую синтезирующую роль не может выполнить теория государства и права именно в силу того, что представляет собой более общее знание по отношению к отраслевым юридическим наукам, не охватывает своим предметом проблематику новых правовых наук. Появление в современной российской гуманитарной науке таких дисциплин, как «Юридическая психология», «Юридическая социология»,

«Философия права» и др., никак не отражается на ее предмете и задачах. Между тем данные дисциплины вносят немалый вклад в изучение права. Какая же дисциплина может выполнить такую роль?

Как справедливо замечает В. Г. Графский, «такую роль в состоянии выполнить дисциплина наподобие старинной энциклопедии права либо некоей новой юриспруденции, которая окажется в состоянии включить в себя основы знаний о праве (правовой теории с общими принципами, понятиями и с различениями правового и неправового) и правовой практике в их связи с общественным бытием, с индивидуальными и групповыми запросами людей, живущих и работающих в сильно изменившихся (по сравнению с предшествующими историческими эпохами) социальных условиях конца XX – начала XXI в.»ⁱ

Однако в предположении этого ученого о том, что такую роль может выполнить наука, напоминающая старую энциклопедию права, следует усомниться именно в силу его резонного замечания о практической направленности данной науки. Энциклопедия права является историческим этапом синтеза правового знания, в рамках которого решались задачи его систематизации посредством выработки основополагающих для правовой теории понятий. При этом исторический контекст, дававший возможность эмпирического обобщения правовых явлений, был главной методологической предпосылкой такого обобщающего анализа. Очевидно, что современное правопонимание может рассматриваться в качестве закономерного этапа такой эволюции, которое сегодня «... эту роль выполнить не в состоянии, поскольку она стоит в ряду наук теоретических и исторических и ко всем другим наукам — отраслевым (гражданское право, карательное право и др.) или прикладным (правовая статистика, судебная медицина и др.) — имеет лишь самое косвенное отношение»ⁱ.

Следует согласиться с А. В. Поляковым, полагающим, что среди основных проблем современного правоведения доминируют две: «1. Каков *modus vivendi* права, его онтологический статус? Определяется ли он государством? 2. Имеет ли право аксиологические характеристики и что они собой представляют? Правовой этатизм трактует право как нормативное установление государства, не имеющее самостоятельного ценностного значения. Юснатурализм понимает право как нормативное установление природы, имеющее самостоятельное ценностное значение. Возможен ли диалог разных вариантов правоведения? Возможно ли научное совмещение противостоящих позиций без эклектики и апологетики? Можно ли при этом учесть основные интенции естественноправового, этатистского, социологического и психологического правопонимания? Положительный ответ означал бы признание возможности такой правовой теории, которая имела бы интегральный (целостный) характер»ⁱⁱⁱ. Такая потребность в интегральной теории свидетельствует о неспособности сложившихся форм рациональности решать познавательные задачи.

По нашему мнению, в процессе правового синтеза главенствующую роль должно играть решение проблемы сущности права, генезиса нового правопонимания.

В конце XIX – начале XX в. ранее влиятельное направление юриспруденции и тип правопонимания (естественное право) стал менее влиятельным, уступая место правопониманию большей эмпирической ориентации (юридический позитивизм). Вместе с тем очевидно, что уже с момента зарождения последнего возникли его противники, объясняющие свою позицию формальностью позитивизма, игнорированием им сущностных аспектов права, которые коренятся в его универсальных аксиологических характеристиках. В дальнейшем такая позиция получила название возрожденного естественного права, найдя довольно широкий круг сторонников среди российских правоведов.

Следует признать, что в XIX в. именно юридический позитивизм стал господствующим типом правопонимания, которое, в отличие от метафизического естественного права, развивает прикладной, практический аспект, относя к праву лишь писанный, зафиксированный формальной процедурой закон — «... заверенный подписью и печатью законодателя»^{iv}. Так, позитивизм в праве начинает вытеснять естественно-правовую теорию, вынужденную отдать большую часть своего научного авторитета новой доктрине, лишь иногда возглавляя правовую идеологию. Но очевидная односторонность данных

подходов, выражающаяся в абсолютизации ценностно-правового и прикладного юридического принципов анализа, породила и попытки их синтеза, которые впервые были предприняты в трудах Аристотеля, Ф. Аквинского, Ф. Бэкона, Г. Спенсера. Такие же попытки мы видим и в трудах российских правоведов рассматриваемого периода.

Очевидно, что именно прикладной аспект изучения права, связанный с выяснением закономерностей его влияния на общественные отношения, стал побудительным мотивом обращения к проблеме синтеза правового знания, поскольку закрепленная в законе правовая норма сама по себе не содержит механизма такого влияния или содержит его лишь в виде санкции, что не объясняет весь спектр правовых поступков, которые далеко не всегда мотивированы принуждением и ответственностью, но внутренними побуждениями аксиологического и психологического свойства. С другой стороны, сведение механизма влияния к аксиологическому аспекту или к принципу разумной обоснованности также выглядит неоправданным, так как правовая норма есть главный регулятивный элемент правоотношений, а разделение права и юридического закона, свойственное естественно-правовым установкам правопонимания, не столько решает указанную проблему, сколько формулирует ее.

В этом смысле идея синтеза является не просто компромиссом данных подходов, но концептуально-теоретическим осмыслением совокупности институционных и неинституционных факторов, обеспечивающих правомерное поведение, и означает выход за пределы традиционной для юснатурализма и юспозитивизма онтологии и аксиологии права в рамках альтернативного типа рациональности. Однако признание в данном контексте многофакторности права, неприемлемой для классической рациональности, стало неизбежным, «... когда для объяснения феномена права в его понятие вводится столько факторов, сколько того требует «расширение» предмета». Вместе с тем «... если предмет постоянно расширяется, то понятие права в конечном итоге становится конгломератом, неспособным объяснить его подлинную природу. Оно становится «системой без системного принципа», то есть утрачивает «родовой» критерий построения»^v.

По некоторым оценкам, решение этой проблемы является источником формирования в российской правовой мысли того времени ряда школ и направлений: возрожденное естественное право; юридический позитивизм и нормативизм; социологические концепции правопонимания; правовой натурализм и психологизм; теории «нравственного чувства» и др.^v

В России теоретическим источником идеи правового синтеза должна быть признана философия Вл. Соловьева, как утверждал русский правовед А. С. Яценко^{vi}, создавший свою теорию этико-правового синтеза, находясь под сильным влиянием этого философа.

Основную проблему современной юриспруденции он сформулировал в контексте правовой истории и теории. По его мнению, «изучая историю и современное состояние общей юриспруденции и философии права, мы постоянно встречаемся с одним общераспространенным фактом, — именно, всякая юридическая теория обыкновенно стремится очень последовательно провести и обосновать какую-нибудь одну точку зрения; точка зрения эта принимается в большинстве случаев очень односторонне, с исключением всякой другой. Неудивительно поэтому, что юридические теории расходятся между собою в самых разнообразных и существенных вопросах и, прежде всего, в изначальном и коренном вопросе о природе права»^{vii}.

Методологически такая ситуация объясняется тем, что частные стороны в процессе исследования могут приниматься за общие, «всеединые», а это ведет к односторонности данного исследования и его выводов, когда в юридических явлениях часть выдается за целое. Итогом становится абстрактность и односторонность определений в праве. Примером может служить правовая норма, которая интерпретируется как выражение частной свободы в индивидуалистической теории права, так же как и интерпретация власти в качестве господствующей воли, на чем строится теория политики. Отсюда, по мнению А. С. Яценко, вытекает положение о том, что право не выражает общего интереса и, соответственно, не имеет охранительной функции, а власть строится лишь на господствующей воле, но не признании ее роли в защите интересов граждан.

Так, А. С. Яценко утверждает положение о слабой эффективности господствующих теорий, которые не объясняют механизм влияния права на общественные отношения.

Очевидно, что поскольку причиной этого порока является указанная выше односторонность, то его искоренение видится именно посредством ее преодоления и создания некоей синтетической теории, учитывающей все факторы, обеспечивающие влияние права на общественные отношения и, соответственно, элементы, включенные в механизм его действия.

В контексте рассмотрения данных вопросов необходимо обратиться и к теории права и государства П. А. Сорокина, предложившего социологический подход к проблеме правового воздействия в рамках решения задачи синтеза юридической теории.

Сводя феномен права к нормативности и выделяя правила поведения в качестве основополагающего компонента права, П. А. Сорокин подразделяет все его проявления на три группы: 1) правила поведения; 2) правовые убеждения; 3) источники права и политическая организация общества. При этом важно, что ученый правовые убеждения рассматривает как те же правила поведения, но данные в психике индивида, а источники права — в качестве правовых убеждений, закрепленных в законодательстве и политической системе^{viii}.

Такой подход включает в механизм правового воздействия не только нормы и институты власти, институционные его элементы, совокупность объективных факторов, но и неинституционные элементы в виде аксиологически значимого правового убеждения, правосознания, т. е. и совокупность факторов, которые мы называем идеологическими. Это является не просто отличительными чертами социологического подхода П. А. Сорокина, но и особенностями многих правовых учений российских исследователей того времени, стремящихся найти критерии интеграции юридического знания на основе объяснения механизма правового воздействия на общественные отношения в контексте нового типа рациональности.

В контексте рассмотрения проблемы нельзя не упомянуть и о П. И. Новгородцеве, предлагавшем решить указанные задачи на основе возрожденного естественного права. Характерно резко отрицательное отношение мыслителя к позитивистским тенденциям российской правовой мысли тех лет. Так, под позитивизмом он понимал всякую правовую концепцию прикладной направленности. Но здесь речь идет о том позитивистском направлении, которое приняло форму юридического социологизма и, по оценкам ученого, превышало свои возможности в решении задач интеграции научного общественного знания.

В контексте решения указанных задач следует обратиться и к феноменологической концепции права Н. Н. Алексеева. В процессе критики юридического позитивизма и социологизма ученый пришел к созданию оригинального метода исследования правовой действительности — феноменологического, который и лег в основу его правопонимания. По некоторым оценкам, суть его концепции заключается «... в выявлении правовой структуры, состоящей из набора универсальных феноменов, различное содержание которых в рамках различных культурных и социально-политических традиций задает различные рамки правовых систем. К основным элементам правовой структуры он относит субъекта права, ценности, несводимые друг к другу понятия правомочности и правообязанности»^{ix}.

Несмотря на то, что Н. Н. Алексеев не ставит задачу правового синтеза, его правовую концепцию следует рассматривать именно в русле такой тенденции развития теоретико-правового знания, соединяющей признаки многих видов правопонимания, в том числе юридического позитивизма.

Большую роль в данном процессе, по нашему мнению, играет и психологическая теория права Л. И. Петражицкого, который в контексте разделения права на интуитивное и позитивное предложил иной подход к его исследованию, выделив в качестве основополагающей проблематики правовой теории влияние права на поведение индивида и общество, что позволило выстроить всю правовую науку на новых основаниях.

Таким образом, правовая мысль России конца XIX – начала XX в. является яркой иллюстрацией кризиса классической рациональности и формирования его постклассического типа, на формы которого существенное влияние оказывало решение

проблемы правового синтеза. В этот период в российском правоведении сложилась совокупность теоретико-методологических источников решения данной проблемы, сформированных в самобытных и оригинальных правовых доктринах. Кроме того, сама постановка проблемы правового синтеза свидетельствует о кризисе не только типа, но и формы рациональности, что выражается в необходимости поиска новых интегрированных форм познания правовой действительности, которые, как предполагается в современном научном дискурсе, могут решить познавательные задачи правовой науки.

-
- i Графский В. Г. Интегральная (синтезированная) юриспруденция: актуальный и все еще не заверченный проект // URL// <http://rus-lib.ru/book/32/tgp/2/049-064.htm>.
- ii Головина Л. Ю. Теория понимания права Л. И. Петражицкого: история и современность: Дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2009.
- iii Поляков А. В. Возможна ли интегральная теория права? // URL// <http://bibliofond.ru/view.aspx?id=97806>.
- iv Мальцев Г. В. Понимание права: подходы и проблемы. — М., 1999. — С. 394.
- v Овчинникова А. В. Проблемы правогенеза и онтологии права в психологической теории права Л. И. Петражицкого: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — СПб., 2006. — С. 8.
- vi Яценко А. С. Философия права Владимира Соловьева. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. — СПб., 1999.
- vii Яценко А. С. Синтетическая теория права в юридических науках // Журнал Министерства юстиции. — 1912. — № 1. — С. 3.
- viii Сорокин П. А. Элементарный учебник общей теории права в связи с теорией государства. — Ярославль, 1919.
- ix Амбарцумян А. С. Концепция права Н. Н. Алексеева: социокультурные и политические основания: Дис. ... канд. юрид. наук. — Краснодар, 2014.